

ВРЕМЯ

Z

СЕРГЕЙ СИМОНОВ

**Я С ДИКОГО
ВОСТОКА**

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
СЗ7

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

При оформлении издания использованы
фотоматериалы РИА Новости
(*Евгения Биятова*)

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Симонов, Сергей Вячеславович

СЗ7 Я с Дикого Востока: автобиографический роман /
Сергей Симонов. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-181790-9

Семья Сергея Симонова эмигрировала в Германию в конце
девяностых годов. Там подросток из благополучной среды ока-
зывается в роли гопника и «недочеловека». Драки, кражи и, воз-
можно, даже убийство. Казалось бы, нужно «просто» отказаться
от этой незавидной участи. Но как? Вернуться в Россию?

С тех пор и Россия, и Германия изменились до неузнавае-
мости. Окончательно вернуться на родину автору предстояло
в совсем другое время — в период войны, потрясений и вражды,
с каждым днём усиливающейся в Европе.

Как выглядит «антироссийское безумие» в Германии изну-
три и что заставляет человека оставить Евросоюз позади? Это
честный рассказ о внешних событиях и глубоких внутренних
переживаниях репатрианта.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-181790-9

© Сергей Симонов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

«Недочеловек — это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица подобные человеческим — однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное. Внутри этого существа — хаос диких, необузданных страстей: безымянная потребность разрушать, самые примитивные желания и неприкрытая подлость».

Гиммлер, 1942

УНТЕРМЕНШ

Часть I

 ерёжа сидел на газонном ограждении возле аккуратных гаражей у ровной пешеходной дорожки в городе Дюссельдорфе. Городе с одним из самых высоких уровней жизни в Европе. Рядом с гаражами стояли ухоженные белые дома, в которых жили бюргеры со своими семьями. Наверное, на их каминах стояли фотографии дедов и прадедов, проживших свою жизнь в этом же городе, может быть, родившихся в тридцати—сорока километрах отсюда.

Серёжа сплюнул и принялся стучать по кованому ограждению палкой. Когда придет Армян? Мимо проходили местные пенсионеры и отводили взгляд. «Откуда появились здесь эти уроды? Одеты хуже бомжей, даже в Красном кресте таких вещей не раздают. Наши наркоманы с привокзальной площади, и те куда нормальнее».

Так для кого, вы думаете, старые гансы, я нацепил на себя этот кислотный адидасовский костюм? Чтобы баб в нем кадрить? Я надел его, чтобы вы, уберменши, отводили взгляд. Проходите мимо. Extra для вас! — выгляжу так, словно меня вам уже не спасти.

Я помню, как учитель по истории пытался учить меня жизни. Sergej, почему вы пропустили в этом году так много занятий? Sergej, история всегда была вашим любимым предметом.

Да мне насрать, что ты думаешь. Вот я смотрю, ты уже не пытаешься втирать мне свои истины. С тех пор, как ко мне в школу начали приходить русаки наши — в спортивных костюмах, а не в модных толстовках и с гелем в волосах. Списал меня со счетов, видать. Мол, я скорешился со своими соплеменниками из «главной школы». У нас же тут гимназия, у нас тут дети из бюргерских домов с участками. Ты мог дружить с нормальными местными ребятами, но сошелся с детьми этих козлов понаехавших. Да не смогут они интегрироваться, понимаешь? Так и будут пахать на заводах, как их собратья из Турции и Марокко. Тебе это надо? Вкалывать на нас с выходцами из Казахстана и Турции?

А мне насрать, что он думает. Что ты предлагаешь мне, учитель? Играть два раза в неделю в футбол с Thomas и Markus? Обсуждать бундеслигу и одноклассника Павла из Польши, который ведет себя, как придурок? «Павел такой тормоз».

«Вот ты, Sergej, нормальный, я вообще не могу представить, что ты три года назад не говорил ни слова по-немецки. Вот как, Sergej, такое может быть? Ты приехал три года назад из России и дружишь с нами, играешь с нами в футбол,

ГТА. А посмотри на турок. Они живут тут уже второе поколение. Если не четвертое. Да, если не четвертое. А ведут себя как ушлёпки с марса».

«Да, Thomas, мне тоже это непонятно».

Да всё мне понятно, учитель. ВСЁ. Хочешь, я расскажу тебе, как я пошел в школу, в эту гимназию, когда мы только переехали в Германию? Да ты и так знаешь. Как дети из ухоженных домов подкладывали мне тамагочи в портфель и говорили, что «русский нас обворовал»? А классный руководитель вызывал моих родителей. Пытался ли он разобраться, увёл ли я их тамагочи или же все эти тамагочи, дебильные компьютерные игры мне никогда не были нужны? Потому что я никогда не играл с этими пидорскими игрушками. Никогда. Нет, он не пытался разобраться. Это Sergej, из нищей России, еле выучивший Guten Tag и Auf Wiedersehen. Он украл, да. Ему не по себе, что у всех его одноклассников дома компьютеры, их родители живут в отдельных домах с садами. Он позавидовал, это естественное чувство, но воровать нехорошо. Вы понимаете?

Thomas и David на каждой перемене орали мне вслед: «Дерьмовый русский». Хамону они кричали «дерьмовый иранец», пока тот не избил Thomas до крови. За это Хамона погнали из гимназии — чурка не должен избивать детей из домов с участками. А я молчал. Я остался в гимназии и подружился с Markus и Thomas

(Thomas № 2). И обсуждал с ними после школы одноклассников — Павла, Хамона, которого вышвырнули.

— Ну, он реально перегнул палку. Все-таки надо уметь себя контролировать, я никогда еще не видел такой драки. Хотя этот Thomas и козел, конечно, — сказал Thomas.

Да, драк у нас в школе практически не было. Дрались, в основном, в «главной школе», где учились почти одни русаки и чурки. Вот и Хамон теперь там, дерется, наверное, часто.

«Sergej, у тебя когда-нибудь была девушка?» — спрашивает Markus. Ты знаешь, Markus, пока вы тут играли в компьютерные игры и тайком мечтали подрочить на родительское порно, я уже сосался с девочками в московских дворах. Когда мне было одиннадцать. У меня была любовь — Света, мы играли с ней в «насилки» дома у моей бабушки — я должен был засунуть ей в рот язык, а Света как бы сопротивлялась. Мы целый день проводили во дворе, мы были вместе, мы дрались, влюблялись и учились человеческим взаимоотношениям. Да-да, Markus, мы влюблялись и любили. Когда нам было по одиннадцать лет. Мы курили с Саней тайком на гаражах, потом Саня и его друзья избили меня, потому что Санин друг считал меня недостойным. Я бессчетные вечера подряд пропадал во дворах со Светой и ее подругой Ксюшей — Ксюше я нравился, но мне нравилась Света.

Во дворе мы часто играли в футбол, Markus, но помимо футбола мы играли еще в десяток других игр каждый божий день. Потому что вместе мы проводили с двух часов дня до одиннадцати вечера. Не веришь, Markus? Сколько времени ты проводишь со своими друзьями? Четыре часа в неделю?

А тогда, в одиннадцать лет, моя жизнь была в десятки, в сотни раз интенсивнее, чем сейчас. И да, Markus, у меня уже была девушка — в то время, в том возрасте, когда ты даже не трогал еще свой член. И буря эмоций, неподдельные страсти были, дружба, любовь. Всё это было. И закончилось в феврале девяносто седьмого, когда я переехал к вам, в Германию, Markus. Когда меня вырвали из России и привезли в вашу сраную, ненавистную, гнидную Германию.

— Sergej, так у тебя когда-нибудь была девушка? — спрашивает Markus.

— Ты знаешь, Markus, я недавно познакомился с Dorothea из Дерендорфа. Она наполовину мексиканка. Мы с ней целовались.

— Ничего себе. Она красивая?

* * *

— Что, Серёга, давно тут зависаешь?

Армян.

— Да, час уже тут хернёй страдаю. Гансы проходили старые, уставились на меня, короче. А я палкой долблю по железяке, они втопили.

С Markus и Thomas я подружил недолго. Мы с матерью переехали в другой район, где жили практически одни выходцы из бывшего Союза и Румынии. Еще там жили асоциальные немцы, так называемые Asi. Сравнительно молодые, с четырьмя и пятью детьми, хотя в среднем немцы рожают в лучшем случае одного-двух к сорока годам. Всё должно быть продумано и вовремя. Сначала учеба, университет, потом карьера, а потом — и семья с детьми. Правильное западноевропейское взросление. Сейчас меня вырвет.

Я уже давно заметил этих ребят, непохожих на моих одноклассников из гимназии. Да я их знал прекрасно, я помнил Москву девяностых, только что закончившихся. Миллениум на Красной площади, недолгие минуты счастья в родной Москве, чтобы через неделю опять улететь туда, откуда я так мечтал сбежать. «Я устал, я ухожу». Они вели себя как русские, как лысый Саня из моего двора на Анадырском в девяносто седьмом. Они вели себя так посреди этих вылизанных улиц, посреди германского благополучия девяностых, когда в Германии еще не начали сокращать пособия по безработице и на довольном Западе еще не воевали с международным терроризмом.

Как же это штырило. Markus с гелем в волосах, играющий в компьютерные игры, еще недавно с тамагочи на шее (как последний пида-

рас!). Я пытаюсь смириться, сдружиться с теми, кого бы немедленно променял на возможность еще раз прожить то лето девяносто шестого или девяносто седьмого на Анадырском, со своими московскими друзьями. Со Светой, с Ксюшей. Хотя бы одно лето.

И вот — они. Которые, казалось, жили здесь, в этой чудовищной Германии, так же, как жили несколько лет назад в Казахстане, Москве, Петербурге или Новосибирске. Никаких реверансов в сторону «новой родины», никаких компромиссов, «интеграции в общество». Я искал близости с их компанией.

Наворачивал круги вокруг детской площадки, где они каждый вечер собирались. По пять раз на дню выносил мусор, чтобы их случайно встретить. Конечно, они меня заметили. Как-то один из них подозвал к себе, я только выбросил очередную порцию мусора. Макс.

— Как тебя звать? Сергей? Вон его тоже Сергей звать. Приходи сегодня на Spielplatz. Косяки куришь? Вообще не куришь? Ну, давай курнём, у меня деньги есть.

Макс зарабатывал на карманные расходы разноской рекламных газет. Мы часто ему в этом помогали, но чаще сваливали большую часть тиража в канаву у железной дороги. У этой канавы, взобравшись на семафор, мы и раскурили мой первый косяк. Сидели на семафоре, в нашу сторону ехали поезда, и было ощущение, что поезд